

БЛИЗНЕЦ СОЛНЦА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. К. ЧЮРЛЕНИСА

родным человеком», — так пишет он своему товарищу по консерватории, и в этих словах видна позиция всей жизни художника. Учение в Варшаве сочетается с напряженным самообразованием. Кастукаса увлекают философия, биология, филология, древние языки и культура Востока, космогонические теории и современная химия. Всюду старается проникнуть мысль Чюрлениса, словно стремясь объять необъятное. Теперь уже для выражения сложного отношения к мирозданию и гармонического соотношения человека и природы одной музыки ему недостаточно. Чюрленис обращается к живописи...

...Мы проезжали Пирчюпис, село, чье имя звучит в памяти человечества как Лидице, Хатынь, Орадур-сюр-Глан. Гигантская скорбная статуя Иокубониса сверкала базальтовыми вспышками розового гранита, и от нее исходило зримое сияние. Над Пирчюписом стояла великая напряженная тишина. Широко разливалось зеленое море весенних полей. Серебристые стволы берез напоминали стройные ряды органных труб. А если прислушаться, то явственно зазвучат слова Чюрлениса: «Рожь не шумит, а звенит, как колокол...» Над Пирчюписом незримые колокола давней беды...

Колокола Чюрлениса — помните его «Колокола»? — отлиты из расплавленной меди морских закатов, из металлического звона балтийских волн, из струящегося золотого песка Ниды. «Нида так же уникальна в мире природы, как Чюрленис — в мире искусства», — пишет Межелайтис в «Контрапункте». В жилах художника, как кровь, течет пламенный янтарь. Янтарь вставлен и в кристаллик зрачка. Отсвет янтаря ложится на первые рисунки композитора.

В характере Чюрлениса жили самозабвенная бескорыстность, отвага и доброта. Вместе с тем — неукротимая воля гения. В двадцать пять лет он, терзаемый мучительно жадной жить во имя борьбы за свои идеалы и убеждения, отдает трезвый отчет в том, что личное счастье для него невоз-

можно: «Ведь я представлял себе счастье таким близким и возможным. Однако решил: «Счастлив не буду».

Последние десять лет жизни Чюрлениса прошли в неустанном творческом горении и напряженной общественной деятельности. Он участвует в художественных выставках, проникается революционными идеалами, обсуждает со своими единомышленниками политические события, а переехав в Вильнюс, целиком отдает себя возрождению традиций национального литовского искусства. Словно предчувствуя свою близкую кончину (Чюрленис умер 10 апреля 1911 года), он работает не покладая рук, создавая живописные шедевры — «Сонату моря», «Рекс», «Сонату звезд», «Жертву»...

...Куршская коса изогнута, словно лук, тетивой этого лука служит натянутая линия морского горизонта! Нида! Золотоносная стрела, вонзившаяся в море. На этом берегу Чюрленис мерещится всюду, и любой ребенок, играющий луком, грозит вырасти на глазах у восхищенного прохожего в чюрленисовского «Стрельца», в поступи которого зазвучат энергичные строки Саломеи Нерис:

Сильный, смелый,
Как солнца близнец, —
По вселенной
Шагает стрелец.

Чюрленис — близнец солнца. В своих космогонических откровениях он близок Рериху, Петрову-Водкину, К. Редько, Г. Якулову. Его живописная теория возведена на прочной основе знания законов света и цвета и высшего проявления гармонии. Свет, на лету обретающий звук, и звук, становящийся цветом, открыли перед ним путь нравственного познания мира. Постигание мировой гармонии, сотворение своего собственного мира красоты по образу и подобию летящего света, струящегося ручья, дымящегося облака... Созерцание морозных узоров на зимнем стекле, бестрепетная окаменелость и негативная четкость светло-темных контрастов побудили его к занятиям

флуорофортом. Тем, кому удалось видеть флуорофорты Чюрлениса даже в репродукциях, знакомо чувство удивления перед чарующей простотой замысла изображать то, что подсказывают ему мечта, фантазия.

Он также обладал редким свойством видеть то, что кажется незаметным с первого взгляда, глубоко скрытое в самом предмете. Глядя на листы грубой, шершавой бумаги, с которой работал художник, подчас не имея средств, начинаешь верить, что эти листы — удивительное творение самой природы, настолько изображение и фактура материала органичны.

...Каунасская картинная галерея Чюрлениса своим внешним видом напоминает гигантский орган. Экспозиция, размещенная здесь, очень удобна для обозрения: картины рассматриваются как бы со смотровой площадки, когда жерла окулляров то понижаются, то повышаются, чтобы ты проникал взглядом в заветный мир чюрленисовских грез с различных уровней. И даже плоскостей. Иногда, взбираясь по виткам этой спирали, невольно начинаешь верить, что сложный и прекрасный мир художника, отображенный в живописных видениях, в действительности — хрупкий хрустальный шар, который, медленно и равномерно вращаясь, заливает нас своим радужным свечением. Такова была жизнь Чюрлениса, для которого любовь и дружба не что иное, как хрупкий стеклянный шар, наполненный светом. «Его надо нести осторожно, чтобы малейшее дуновение не сломало, не погасило волшебный свет» — эти слова, принадлежащие художнику, мы находим в воспоминаниях Ядвиги Чюрлените. Несмотря на свою хрупкость, конструкции чюрленисовских грез не только выдержали испытание временем, но и повседневно наполняют нас своим внутренним светом.

Маргарита НОГТЕВА

19 сентября 1975 г.

ЛИТЕРАТУРА РОССИИ

ОН РОДИЛСЯ в доме, где постоянно текли ручейки фуг Баха. Его отец — сельский органист, а дед по матери — народный художник, мастеровивший статуэтки из гипса, янтаря и дерева. Музыка и живопись — две страсти, питавшие душу юноши. Музыка и живопись — два крыла, поднявшие его высоко над временем и малым литовским пространством.

Место рождения Чюрлениса — Варена, дата — 22 сентября 1875 года. Как бывает в католических семьях, при рождении мальчик получил два имени — Микалоюс Константинас. По-литовски его называли Кастукасом.

Музыка была для него с детства не только страстью, но своеобразной формой мышления и восприятия мира. Домашние вспоминают, что маленький Кастукас мог внезапно прервать беседу и подойти к фортепиано, чтобы в импровизации продолжить начатый разговор. Первоначальное музыкальное образование он получил в оркестровой школе князя Огиньского, внука известного польского композитора. Позднее с помощью князя он получает возможность продолжать обучение в Варшавском музыкальном институте. Здесь формируются в нем художественная нравственность, высокие нормы требовательности к себе и окружающим, а сквозящая юношескую застенчивость проступают непоколебимость и вера в правоту своих убеждений и принципов. «Думаю, что в нашей науке он очень силен, но он плохой человек. Говори, что хочешь, но я твердо уверен, что учитель композиции должен быть хорошим и благо-